

**КНИГА
ЗАБЫТЫХ
ИМЁН**

Vegheil Vegheil

КНИГА ЗАБЫТЫХ ИМЁН

<https://litres.ru/74685752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина не помнит, кто она. Не помнит, откуда пришла. Не помнит, кто её родители — и были ли они вообще. Она просто просыпается на кухне замка, где пахнет хлебом и травами, и женщина по имени Элис говорит ей: «Ты — Лина. Ты — моя помощница».

Но прошлое не отпускает. Гримуар, оставленный Элис, находит нового читателя. И Лина, сама того не зная, повторяет путь, который когда-то прошла Элис. Она берёт книгу. Она использует рецепты. Она идёт к своему отцу — за мстью. За правдой. За тем, что у неё украли.

Элис идёт за ней. Она знает, что ждёт Лину. Она знает, что та не справится. Она знает, что должна остановить её — или спасти. Забрать тень. Потерять её. Отдать свою.

«Книга забытых имён» — вторая книга цикла. Это история о том, кто ты, когда память ушла. О том, что добро не требует платы. И о том, что даже тьму можно простить — если найти в себе силы.

Vegheil Vegheil

КНИГА ЗАБЫТЫХ ИМЁН

КНИГА ЗАБЫТЫХ ИМЁН

Уютное фэнтези

Автор: [Ваше имя / Псевдоним]

АННОТАЦИЯ

Лина не помнит, кто она. Не помнит, откуда пришла. Не помнит, кто её родители — и были ли они вообще. Она просто просыпается на кухне замка, где пахнет хлебом и травами, и женщина по имени Элис говорит ей: «Ты — Лина. Ты — моя помощница».

Но прошлое не отпускает. Гримуар, оставленный Элис, находит нового читателя. И Лина, сама того не зная, повторяет путь, который когда-то прошла Элис. Она берёт книгу. Она использует рецепты. Она идёт к своему отцу — за мстью. За правдой. За тем, что у неё украли.

Элис идёт за ней. Она знает, что ждёт Лину. Она знает, что та не справится. Она знает, что должна остановить её — или спасти. Забрать тень. Потерять её. Отдать свою.

«Книга забытых имён» — вторая книга цикла. Это история о том, кто ты, когда память ушла. О том, что добро не требует платы. И о том, что даже тьму можно простить —

если найти в себе силы.

ПРОЛОГ. Голос с Севера

Север. Хижина у моря. Двадцать лет спустя.

Я слышу её.

Не голос — дыхание. Не слова — шаги. Она сделала первый шаг. Я чувствую это так же ясно, как чувствую соль на губах и холод в костях.

Двадцать лет я ждал.

Двадцать лет я смотрел на море и думал: «Она найдёт книгу. Она прочитает. Она выберет». И каждый раз, когда волны били о берег, я говорил себе: «Ещё немного. Ещё чуть-чуть. Она справится».

Я не мог помочь ей. Не мог написать. Не мог прийти. Не потому что не хотел. Потому что выбор должен быть искренним. Если бы я подсказал, направил, помог — это был бы не её выбор. Мой. А магия не принимает чужой выбор. Она убивает. Я не мог рисковать. Я не мог убить её своей помощью.

Я помню тот день. Элис было три года. Она спала в колыбели, и её глаза светились в темноте — слабо, как светлячки. Я знал, что это значит. Я знал, что она унаследует не только мою кровь, но и моё проклятие.

Я мог спасти её. Я мог отдать свою жизнь, чтобы она никогда не узнала о магии. Но тогда она никогда не узнала бы

и о себе.

Я выбрал другое. Я оставил ей книгу. Шанс. Путь.

И я ушёл. На Север. Туда, где лёд не тает, где полукровки прячутся от людей, где магия — это не дар, а способ выжить.

Я платил. Каждый день. Каждую ночь. Я использовал остатки магии, чтобы растопить лёд — для других. Для тех, кто не мог пройти путь сам. Я спасал их. И ждал её.

Я знал: если я свяжусь с ней, если подскажу, если направлю — выбор не будет искренним. А без искренности магия убьёт её. Как убила бы меня, если бы я выбрал зло. Это не условие. Это закон. Такова природа книги. Такова природа выбора. Я не мог его нарушить. Даже ради неё. Особенно ради неё.

Я не знал, справится ли она. Я не знал, простит ли.

Но я знал одно: она должна была решить сама.

И вот — она решила.

Я чувствую это. Тепло на ладони. Тот же след, что оставил гримуар, когда я отдавал его. Он вернулся ко мне. Через неё.

Она идёт. Я знаю.

Я смотрю на море. Волны бьются о скалы. Ветер холодный, но я не чувствую его. Я чувствую только её.

— Иди, — шепчу я. — Иди ко мне. Я жду.

И море отвечает. Шумом. Ветром. Тишиной.

Она найдёт меня. Я верю.

ГЛАВА 1. Девочка, которая ждала

Лина проснулась за минуту до колокольчика.

Она лежала в темноте своей каморки — маленькой, тесной, с низким потолком и окном, выходящим на стену соседней башни. Свет сюда почти не попадал. Лина не жаловалась. Она привыкла к темноте. Темнота была её союзницей.

За стеной, на кухне, уже пахло хлебом. Элис вставала раньше всех. Лина знала этот запах так же хорошо, как знала свои руки. Кислый стартёр, тёплое тесто, дым от печи. Запах дома.

Но сегодня Лина не пошла на кухню сразу.

Она лежала и смотрела в потолок. Ждала. Она ждала полгода. С того дня, как впервые увидела, как Элис стоит над гримуаром и шепчет что-то. Как тени в углах дрожат. Как на её ладони проступает тёмный узор.

Лина не задавала вопросов. Это было её правило. Но она **запоминала**.

Она запоминала, как Элис месит тесто — не так, как другие. Как она смотрит на гримуар — тот, что лежал в углу под полотенцем. Как она шепчет что-то над бульоном. Лина не знала, что это значит. Но она знала: это важно.

И она знала: рано или поздно книга достанется ей.

Колокольчик молчал. Лина встала. Натянула платье, сунула ноги в башмаки. Вышла из каморки. Пройшла по коридору — мимо спальни Элис, мимо кладовой, мимо комнаты Мартина. Она знала каждый скрип, каждую тень. Она ходи-

ла тихо. Как мышь. Как тень.

Она спустилась на кухню. Элис стояла у печи, спиной к ней. Лина остановилась в дверях.

Она смотрела.

Элис месила тесто. Её руки двигались уверенно, точно. Она не смотрела на книгу. Но Лина видела: Элис **чувствует** её. Даже не глядя. Даже не касаясь. Книга была частью её. Как дыхание.

Лина завидовала. Тихо, в глубине души. Она хотела того же. Не магии — **силы**. Не света — **ответов**.

— Доброе утро, — сказала Элис, не оборачиваясь.

— Доброе, — ответила Лина.

Пауза. Долгая. Как будто обе хотели что-то сказать. Но не говорили.

— Ты сегодня рано, — сказала Элис.

— Не спалось.

— Мне тоже.

Лина посмотрела на неё. На её спину. На её руки. На муку на пальцах. Она не знала, что сказать. Не знала, как спросить. Не знала, как признаться.

Она подошла к столу, взяла нож, начала резать овощи. Молча. Элис тоже молчала. Они умели молчать вместе. Но сегодня молчание было другим. Лина чувствовала: что-то изменится.

Она думала о своём. О том, что она не помнит. О матери, которая исчезла, когда ей было пять. Об отце, которого

она никогда не видела. О том, как она оказалась на дороге — одна, с пустым желудком и пустой памятью. О том, как женщина в чёрном пришла к ней три года назад.

«Ты особенная. У тебя есть дар. Я знаю, кто ты. Хочешь узнать?»

Лина тогда испугалась. Убежала. Спряталась за печкой, в углу, где никто не мог её найти. Женщина не вернулась. Но слова остались. Они жили в ней, как заноза. Как семечко, которое ждёт воды.

Сегодня вода пришла.

Элис ушла в кладовую — за специями. Лина осталась одна. Она посмотрела на угол. Гримуар лежал под полотенцем. Он ждал.

Она подошла к нему. Медленно. Она знала: это важно. Она откинула полотенце. Книга лежала на столе. Кожаный переплёт, потёртые углы, без названия. Лина провела пальцем по обложке. Кожа была холодной. Но под пальцами — там, где она касалась, — остался тёплый след.

Она открыла первую страницу.

«Тот, кто прочитает это, уже выбрал».

Лина сглотнула. Она не выбирала. Она просто хотела знать. Она перевернула страницу.

Дальше — рецепты. «Пирог храбрости». «Суп откровения». «Торт последней правды». Лина читала их медленно, вдумчиво. Она не понимала всех слов. Но она понимала главное: эти рецепты могут дать ей то, чего она хочет.

А она хотела одного — **знать, кто она.**

Она закрыла книгу. Оглянулась. Элис всё ещё была в кладовой. Лина сунула гримуар под фартук и выскользнула из кухни.

Она не знала, куда идёт. Но ноги несли её сами — вниз, в подвал, туда, где никто не мог её найти. Туда, где она могла побыть одна.

В подвале было темно. Лина села на пол, прислонилась спиной к холодной стене. Достала книгу. Открыла обложку.

Книга открылась сама. На странице, которую Лина не искала. «Хлеб памяти». Ингредиенты: мука, вода, соль, дрожжи. И одна строка в конце: *«Добавь каплю крови того, кто потерял».*

Лина замерла.

«Того, кто потерял». Это была она. Она потеряла всё. Она потеряла память. Она потеряла себя.

Она посмотрела на нож. Она всё ещё держала его. Она не помнила, как взяла его с кухни. Но она знала: он нужен. Для чего-то.

Она встала. Поднялась по лестнице. Прошла через кухню — Элис всё ещё была в кладовой. Лина взяла муку. Воду. Соль. Дрожжи. Миску. И вернулась в подвал.

Она села на пол. Поставила миску перед собой. Насыпала муку. Добавила воду. Соль. Дрожжи. Начала месить. Неумело. Неловко. Но что-то внутри — что-то, что было глубже памяти, — подсказывало: так правильно.

Потом она порезала палец. Капля крови упала на тесто. Она замесила его. Скатала шар. Отломил кусок. И съела.

Тесто было сырым. Холодным. Невкусным. Но она съела его. Всё. До конца.

Она не пекла. Она не готовила. Она не завершала. Она просто ела. Как едят, когда не думают. Как едят, когда не выбирают. Как едят, когда просто хотят.

И тогда память вернулась.

Она увидела мать — молодую, красивую, с такими же тёмными волосами. Увидела отца — высокого, в дорогом камзоле, с холодными глазами. Увидела дом — большой, каменный, с высокими окнами. Увидела, как мать плачет. Как отец уходит. Как мать ведёт её, пятилетнюю, на дорогу. Как оставляет. Как шепчет: *«Прости. Так будет лучше»*.

Лина открыла глаза. В подвале было темно. Но она видела всё. Она знала всё.

Она знала, кто её отец.

Она знала, **куда** идти. Память вела её. Как карта. Как компас. Замок на холме. Каменный. С высокими окнами. Туда, где жил он.

Она встала. Сунула гримуар под фартук. Вышла из подвала. Поднялась по лестнице. Прошла мимо кухни — Элис всё ещё была в кладовой. Лина не остановилась.

Она вышла из замка. Утро было холодным. Где-то лаяли гончие. Она шла по дороге — туда, где, она знала, жил её отец. Тот, кто оставил её. Тот, кто бросил её мать. Тот, кто

должен заплатить.

Она не знала, что Элис вышла из кладовой через минуту. Увидела, что Лины нет. Увидела, что гримуара нет. Увидела открытую дверь.

Элис стояла на пороге кухни и смотрела на дорогу. Ветер трепал её фартук. На языке — привкус дыма.

— Лина, — прошептала она. — Что ты наделала?

Ответа не было. Только ветер. Только запах соли. Только тёплый след на ладони, который не исчезал.

ГЛАВА 2. Пустой угол

Элис не стала ждать.

Она вышла из кладовой с пучком сушёного тимьяна в руках. Кухня дышала теплом, печь гудела, хлеб подходил. Но что-то было не так.

Тишина.

Лина всегда что-то делала. Резала, мешала, мыла. Даже когда молчала — она двигалась. А сейчас — ничего. Только потрескивание дров. Только капли воды из крана. Только эхо её собственных шагов.

Элис положила тимьян на стол. Огляделась. Нож Лины лежал на доске. Овощи — недорезанные. Морковь, лук, петрушка. Всё как будто она вышла на минуту.

Но Элис знала: Лина не выходит на минуту.

Она подошла к углу. Полотенце лежало на столе. Не на

гримуаре — на столе. Само полотенце. А под ним — ничего.

Книги не было.

Элис почувствовала, как что-то оборвалось внутри. Холодное. Тяжёлое. Как будто из неё вынули часть. Она подошла, взяла полотенце. Оно было холодным. Как кожа гримуара.

Она села на табурет. Полотенце в руках. Пустой угол перед ней. За окном — серое утро. Ветер бил в стекло. Где-то скрипнула дверь. Замок просыпался. Но на кухне — тишина. Мёртвая. Как будто кто-то умер.

— Она взяла книгу, — сказала Элис вслух.

Голос прозвучал глухо. Как будто из другого человека.

Она встала. Прошла к двери. Открыла. Дорога была пустой. Только ветер. Только пыль. Только следы — маленькие, узкие. Лина шла босиком. Или в тонких башмаках. Следы вели на юг.

Элис стояла на пороге. Ветер трепал её фартук. Она смотрела на дорогу и думала.

Она вспомнила себя. Три года назад. Когда она нашла книгу. Когда она боялась. Когда она пряталась. Когда она думала, что сможет остановиться.

Она не остановилась.

Она вспомнила Тима. Пирог храбрости. Как она забрала его страх. Как она думала, что спасает. А потом — тени. Боль. Узор на ладони.

Она вспомнила Лину. Ту, что молчала. Ту, что запомина-

ла. Ту, что сказала: *«Я умею хранить тайны»*.

Элис сжала полотенце. Оно было холодным. Как кожа гримуара. Как её собственная кожа, когда она впервые коснулась книги.

Она не знала, куда идёт Лина. Но она чувствовала гримуар. Книга пульсировала внутри неё — как второе сердце. Как обещание. Она знала: если она пойдёт за книгой, она найдёт Лину. Гримуар знал. Знала и она.

Она поднялась в свою комнату. Надела плащ. Сунула за пояс нож — тот, что всегда висел на кухне. Маленький, острый, для овощей. Он не был оружием. Но он был её.

Она спустилась вниз. Остановилась у печи. Хлеб подошёл. Она вынула его, положила на решётку. Запах наполнил кухню. Простой, тёплый. Домашний.

Она отрезала кусок. Положила в карман. И вышла.

На пороге она обернулась. Кухня стояла пустая. Тихая. Как будто ждала кого-то. Элис знала: она вернётся. Но не одна.

Она шла по дороге. Следы Лины вели на юг. Ветер дул в лицо. Пахло дымом. Как будто где-то горел костёр. Она не знала, где. Но запах был. И он вёл её.

Она думала о Лине. О том, что та чувствует. О том, что та хочет. Мсть. Она хочет мести. За мать, которая её бросила. За отца, которого она не знала. За всё, что у неё украли.

Элис знала это чувство. Она тоже хотела мести. Когда сожгли её мать. Когда её саму отправили в замок. Когда она

думала, что никому не нужна.

Но она не мстила. Она пекла хлеб. Она пряталась. Она ждала.

Лина не будет ждать.

Элис остановилась. Посмотрела на горизонт. Там, вдалеке, темнела полоса леса. За лесом — деревня. За деревней — замок. Замок отца Лины.

Она не знала этого. Но гримуар знал. И она шла за гримуаром.

Она ускорила шаг. Ветер усилился. На языке — привкус дыма. Не магии. Просто дыма. От печи, которую она оставила. От хлеба, который испекла.

Она шла. И тень внутри неё — та, что осталась от первой книги, — пульсировала в такт шагам. Как второе сердце. Как напоминание.

Она шла. Дорога уходила вдаль. Где-то там была Лина. Где-то там был ответ. Где-то там было начало.

ГЛАВА 3. Дорога на юг

Лина шла всю ночь.

Не чувствовала усталости. Не чувствовала холода. Не чувствовала голода. Чувствовала только одно — **книгу**. Та лежала за пазухой, тёплая, как живая. Как второе сердце. Как обещание.

Звёзды освещали путь. Темнота была союзницей. Лина

выросла в темноте. Научилась видеть в ней.

К утру она вышла к деревне. Маленькой, серой, с кривыми заборами и колодцем в центре. Остановилась на холме. Посмотрела вниз. Деревня спала. Только дым из труб.

Она села на траву. Достала гримуар. Открыла его.

На первой странице появился рецепт. «Хлеб силы». Ингредиенты: мука, вода, соль. И одна строка в конце: *«Добавь каплю уверенности и силы того, кто ими обладает. И съешь»*.

Лина смотрела на эту страницу. Долго.

Она знала, зачем пришла. Она знала, что ей нужно. **Сила. Уверенность. Смелость.** Ей нужно было идти дальше. Ей нужно было войти в замок отца. Ей нужно было посмотреть ему в глаза. И не дрогнуть.

Она боялась. Она сомневалась. Она не была уверена. Но она **хотела** быть.

Она закрыла книгу. Посмотрела на деревню. Там были люди. Много людей.

Она спустилась с холма. Вошла в деревню. Никто не заметил её. Слуги, крестьяне, дети — все были заняты своим. Она шла по улице и смотрела. Искала того, кто **силён и уверен.**

Она нашла его у колодца. Мальчик. Её возраста. Лет двенадцати. Худой, но с прямой спиной. С ясными глазами. Он доставал воду — легко, уверенно, без усилий. Он не боялся. Он не сомневался. Он **знал**, что справится. И он **был** силь-

ным. Это было видно по рукам. По спине. По тому, как он держал ведро.

Лина подошла к нему. Улыбнулась. Тепло. Как умела.

— Привет, — сказала она. — Ты сильный. Я вижу.

Мальчик посмотрел на неё. Удивлённо. Но не испуганно.

— Чего? — спросил он.

— Ведро, — сказала Лина. — Ты держишь его так легко. Я бы не смогла.

— Привычка, — сказал мальчик. — Я каждый день ношу воду.

— Ты не боишься, — сказала Лина. — Это видно. Ты уверен.

— Наверное, — сказал он. — Мне так говорят.

Лина шагнула ближе. Протянула руку. Коснулась его виска. Прошептала:

— Отдай мне свою уверенность. Я возьму её на время. Ты не будешь помнить.

Мальчик вздрогнул. Отстранился. Посмотрел на неё. В его глазах — удивление. Но не страх. Он **не боялся**. Он просто **не понял**.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Помогаю, — сказала Лина. — Тебе. И себе.

По пальцам Лины пробежал холод. Липкий, тягучий, как мёд. Но не горький — **сладкий**. Тёплый. Как солнечный свет. Как уверенность. Как смелость. Она впитала его в ладонь. Зажала в кулаке.

Мальчик посмотрел на колодец. Потом на свои руки. Потом на неё. Он улыбнулся. Но улыбка была другой. Не уверенной. Растерянной.

— Спасибо, — сказал он. Но голос был тише. Слабее.

Он взял ведро. И оно показалось ему тяжёлым. Он пошатнулся. Но удержал. И пошёл. Медленнее. Осторожнее. Как будто впервые.

Лина смотрела ему вслед. Внутри неё что-то пульсировало. Чужое. Тёплое. **Сильное**. Она сжала кулак. И почувствовала, как **уверенность** разливается по телу. Как **смелость** заполняет грудь. Как **сила** просыпается в руках.

Она встала. Пошла дальше. Книга под фартуком стала теплее. Как будто одобряла.

Она нашла рынок. Маленький. Три прилавка. Мука, соль, овощи. Она подошла к женщине, которая продавала муку.

— Мне нужно немного муки, — сказала Лина. — И соли. И воды. У меня нет денег. Но я заплачу. Потом. Когда-нибудь.

Женщина посмотрела на неё. Долго. Потом — улыбнулась. Тепло. Просто.

— Возьми, — сказала она. — Немного муки. Немного соли. Воды в колодце много. Не нужно платить.

Лина взяла муку. Соль. Воду. И пошла дальше. Она не понимала. Она привыкла платить. Она привыкла брать. Но здесь — было не так. И это пугало сильнее, чем магия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.